

САМЫЙ КАК СЛОВО-ИНТЕНСИФИКАТОР В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МОДЕЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ

SUN XIAOLI

SAMUY AS A WORD-INTENSIFIER IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: USAGE MODELS

В статье рассматривается интенсифицирующий характер местоименного слова *самый*. Категория интенсивности имеет отношение к любому уровню языка: от звукового аспекта речи до сложного синтаксического целого. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что, по сравнению с прилагательными и наречиями, вопросу интенсифицирующей функции местоимений посвящено очень мало работ; слово *самый* в этом аспекте рассматривалось явно недостаточно. Выражение интенсивности данным словом описывается в настоящей работе на основе нескольких моделей: <самый + качественное прилагательное> (*самый красивый*), <самый + относительное прилагательное> (*самое женское*), <самый + существительное> (*в самом начале*), <самый + наречие> (*по самое некуда*), <самый + глагол> (*по самое не хочу*), <самый + местоимение-существительное> (*самое оно*), <самый + идиома> (*самый что ни на есть*), <самый + междоимение> (*по самое покорно благодарю*) и <указательное местоимение + самый + (существительное)> (*тот самый случай, то же самое*). Интенсивность признака, т.е. отклонение от нормы проявления количества признака, уровень количественного изменения признака в пределах меры, наглядно демонстрируется на градационной шкале, в крайней (исходной) точке которой находится форма с минимальной степенью проявления признака. План содержания слова *самый* в роли интенсификатора включает такие функционально-семантические операции, как подчеркивание, усиление, полнота, оценка, обобщение и др. Семантика слова *самый* как интенсификатора имеет абстрактный характер и содержит семы субъектности и экспрессивности. Активное употребление конструкций с данным интенсификатором в современном русском языке и речи свидетельствует об усилении аналитических тенденций в грамматическом строе русского языка.

Ключевые слова: слово-интенсификатор; модели употребления; градационная шкала; функционально-семантические операция; аналитизм.

The article considers the intensifying character of the pronominal word *samyj* ('the very'). The intensity category is relevant to any level of language, from the sound aspect of speech to the complex syntactic whole. The relevance of this study lies in the fact that, in comparison with adjectives and adverbs, very few works are devoted to the question of the intensifying function of pronouns; the word *samyj* was clearly not considered enough in this aspect. The expression of intensity with this word is described in this article on the basis of several models: <*samyj* + qualitative adjective> (*samyj krasivyj*), <*samyj* + relative adjective> (*samoe zhenskoe*), <*samyj* + noun> (*v samom nachale*), <*samyj* + adverb> (*po samoe neкуда*), <*samyj* + verb> (*po samoe ne khochu*), <*samyj* + pronoun-noun> (*samoe ono*), <*samyj* + idiom> (*samyj chto ni na jest*), <*samyj* + interjection> (*po samoe pokorno blagodar'u*) and <demonstrative pronoun + *samyj* + (noun)> (*tot samyj sluchaj, to zhe samoe*). The intensity of the indication, i.e. the deviation from the norm of manifestation of the quantity of the indication, the level of quantitative

Сунь Сяоли

Магистр перевода, аспирантка
► sunxiaoli_smile@163.com

Санкт-Петербургский государственный
университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

Sun Xiaoli

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russia

change of the indication within the measure, is clearly demonstrated on the gradation scale, at the extreme (initial) point of which is the form with the minimum degree of manifestation of the indication. The content plan of the word *samyj* as an intensifier includes such functional and semantic operations as underlining, strengthening, completeness, evaluation, generalization, etc. The semantics of the word *samyj* as an intensifier has an abstract character and contains the semes of subjectivity and expressiveness. The active use of constructions with this intensifier in modern Russian language and speech testifies to the strengthening of analytical tendencies in the grammatical structure of the Russian language.

Key words: word-intensifier; usage patterns; gradation scale; functional-semantic operation; analyticism.

Введение

В последние десятилетия внимание лингвистов все больше привлекает функционально-семантическая категория *интенсивности*. Она обладает свойством всеобщности: средства ее выражения охватывают языковые единицы разного грамматического уровня (глаголы, прилагательные, наречия, местоимения, существительные, фразеологические единицы, целостные тексты и проч.) [Безрукова 2004]. Согласно П. А. Леканту, под *интенсификацией* понимается ряд функционально-семантических операций, включающих подчеркивание (акцентирование), усиление, полноту, градацию (обычно высокую ее степень), обобщение и оценку [Лекант 2011: 58]. *Лексические интенсификаторы* — это языковые единицы, план содержания которых включает вышеупомянутые функционально-семантические операции. Различные классы слов интенсифицирующего содержания описывались в трудах многих русских лингвистов: Л. Я. Герасимовой, В. Ф. Ремизовой, И. Ю. Моисеевой, Е. В. Терентьевой и др. При этом большинство существующих исследований категории интенсивности посвящено интенсификации прилагательных и наречий и мало связаны с употреблением местоимений в качестве интенсификаторов.

В академических изданиях слово *самый* относят к разряду определительных местоимений [МАС 1988: 25–26] или местоименных определительных прилагательных [Русская грамматика, Т. I, 1980: 542]. Грамматики отмечают специфику значения местоимений: они «обозначают такие признаки, которые возникают на основе отноше-

ния говорящего к лицам, предметам и явлениям» [Там же]. Видно, таким образом, что местоимение как часть речи не называет какой-либо предмет или качество, а всего лишь указывает на него. В значение местоименных слов входит либо отсылка к «конкретному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации или к самому высказыванию), либо указание на тип соотносительности слова с внеязыковой действительностью (его денотативный статус)» [Крылов, Падучева 2002: 294–295]. Именно поэтому словари трактуют слово *самый* в основном через его употребление, ср.: «Употребляется при указательных местоимениях “тот”, “этот” для их уточнения в значении: именно, как раз *В эту самую минуту...*; *Даша играла ту самую сонату...*» (разрядка и курсив авторские. — С. С.) — и так далее [МАС 1988: 25–26]. С таким типом значения связано и то обстоятельство, что местоимение *самый* употребляется почти исключительно в устойчивых (связанных) сочетаниях (*тем самым, он самый*) и в значительной части своих употреблений выступает как результат процессов грамматикализации (*самый добрый*), идиоматизации (*по самую шею*) или прагматикализации (*он это самое не вполне здоров*). Иногда эти процессы действуют одновременно (см. подробнее о веерной шкале переходности для слова *самый*: [Сунь Сяоли 2021]).

В центре внимания в настоящем исследовании находятся употребления местоимения *самый* как слова-интенсификатора в современном русском языке. В работе были использованы методы сплошной выборки, градуального шкалирования и описательный.

Иллюстративный материал в статье — из двух устных корпусов. Большая часть примеров — из корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) (см. о нем подробнее: [Богданова-Бегларян 2016; Bogdanova-Beglarian et al. 2016a, 2016b; Богданова-Бегларян 2019]). См. также сайт ОРД: <https://ord.spbu.ru>. Другая часть примеров — из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ) [<https://ruscorpora.ru/>]. Все примеры в статье соответствующим образом маркированы: ОРД или УП НКРЯ.

Модели со словом-интенсификатором *самый*

Проблема сочетаемости слова-интенсификатора с другими словами в предложении является важным моментом, который исследователь в ходе описания семантики интенсифицирующей функции такой единицы не может обойти стороной. Если речь идет о лексической сочетаемости слова *самый*, то в словарях можно обнаружить разные модели, включающие слово-интенсификатор *самый*, которые с разной степенью активности употребляются в современном русском языке. Рассмотрим далее особенности выражения интенсивности с помощью слова *самый* в каждой модели отдельно.

<Самый + качественное прилагательное>

В данной модели, в сочетании с качественным прилагательным, местоимение *самый* является компонентом формы превосходной степени (суперлатива): *самый красивый, самый короткий* [МАС 1988: 26]. В таком употреблении *самый* попадает под действие одного из активных процессов русского языка и речи — *грамматикализации*. В рамках этой модели слово *самый* функционирует уже не как местоимение, а как формообразующая частица. Качественные прилагательные обозначают свойство, присущее самому предмету, такое, которое может характеризоваться разной степенью интенсивности [Бгаева и др. 2005]. Отличительные черты качественных прилагательных сводятся к тому, что они образуют формы степеней сравнения, в том числе суперлатива (*красивее, красивейший/самый красивый*); имеют краткую форму (*красив/а/о/ы*); сочетаются с наречиями меры и степени (*очень, чрезвычайно* и под.); имеют антонимы (*некрасивый*); образуют качественные наре-

чия (*красиво*), формы субъективной оценки (*красивенький*) и абстрактные существительные (*красота*); а также некот. др. Слово-интенсификатор *самый* передает в данной модели предельность проявления признака, во всей его полноте. Сема градуальности слова *самый* в данном случае усиливается. В то же время оно указывает на нарастание степени интенсивности оценочного значения качественного прилагательного, ср.:

1) *этот завод основал ещё князь Голицын\$ / он положил туда / *В состоянии трёх своих жён / и вообще «Новосветское»\$ самое моё любимое шампанское* (ОРД);

2) *потому что я в дурацком третьем классе // *П занятия веду // *Ш *П подожди // *П это самый отстойный класс* (ОРД).

Качественное прилагательное обладает признаковой семантикой, в нем проявляется связь объективных и субъективных факторов. Интенсивность тесно связана с экспрессивностью и оценочностью. Примеры (1)–(2) хорошо демонстрируют, что интенсификатор *самый* способен усиливать обозначение как отрицательно, так и положительно оцениваемых явлений.

В семантической структуре качественного прилагательного может происходить перераспределение денотативной и коннотативной сем (например, *громкие слова, жгучий взгляд*), в результате чего денотативная сема нейтрализуется, происходит десемантизация, прямое значение теряется или ослабляется [Терентьева 2014: 135]. На первый план в семантике качественного прилагательного выступает субъективный аспект, в этом случае интенсификатор *самый* вместе с ним начинает указывать на превосходную степень проявления качества.

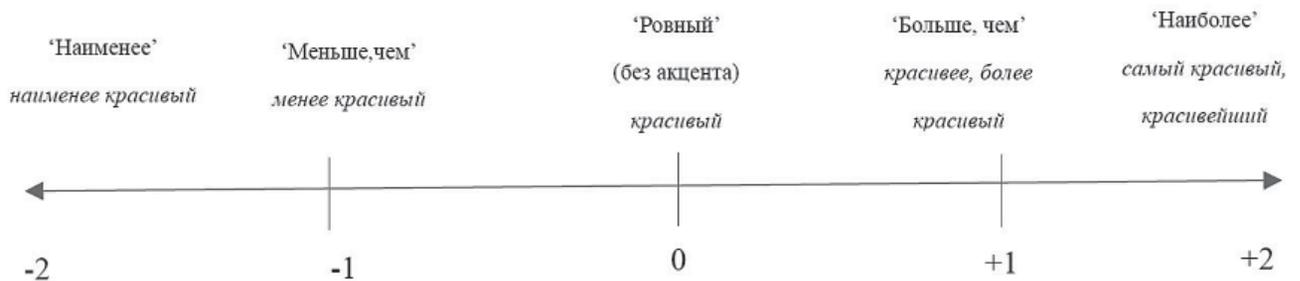

Рис. Градационная шкала интенсивности для качественных прилагательных

Категория интенсивности носит градуальный характер, поскольку она есть мера содержательности, экспликативности и количественная мера оценки качества. Поскольку речь идет о градуальности, то можно выделить пять групп, отражающих пять степеней количества проявления признака качественного прилагательного, что соответствует пяти основным кванторам ('наиболее', 'больше, чем', 'ровный', 'меньше, чем', 'наименее'), выделенным Э. Сепиром [Сепир 1985]. Разные по своей природе степени возможного проявления признака находят отражения на симметричной градационной шкале (см. рис.).

На этой шкале с двумя полюсами происходит двунаправленное развитие одного признака: от нуля до минимума (-2) и от нуля до максимума (+2). В точке 0 находится усредненная степень качества, которая является объективно установленной нормой для качественных прилагательных (положительная степень сравнения). Собственно интенсификаторы выстраиваются в градуальный ряд, где они располагаются в порядке убывания/нарастания количества признака относительно некоторой точки отсчета [Терентьева 2016: 21]. Исследуемый интенсификатор *самый* находится в крайней правой точке, и его градуальная сема проявляется при постановке качественных прилагательных в форму превосходной степени проявления признака.

Особую группу в рамках рассматриваемой модели составляют субстантивированные конструкции, которые целиком — уже в результате процесса *идиоматизации* — становятся фразеологизмами или тяготеют к фразеологизированному употреблению, ср.:

3) ну д()д() не() двадцать ни у кого не работало / **самое большое** это @ пятнадцать помому // @ десять процентов / максимум / о чём это говорит / о том / что наш мозг ещё в масштабах вселенной спит (ОРД);

4) эта встреча закончится где-то без четверти восемь / но ... *П **самое позднее** в восемь (ОРД);

5) и при этом / он постоянно ходил к Павлу / *В и постоянно требовал () деньги // и **самое ин-тересное** / что тот ему платил (ОРД);

6) и **самое главное** говорит / мне самый момент / неприятен был перед мужем // потому что / понимаешь как бы на м... на мне пятно // что я дала / понимаешь а действительно может / действительно я взяла себе / и промолчала (ОРД).

В этих сочетаниях отмечаются такие яркие характеристики фразеологизма, как устойчивость, воспроизводимость, сверхсловность и целостность значения. Отсутствие определяемого существительного (*контекстная субстантивация*) усиливает эти их свойства. К приведенным конструкциям можно добавить еще *самое обидное, самое смешное, самое важное* и мн. др.

<Самый + относительное прилагательное>

В рамках этой модели к грамматикализации добавляется еще и действие процесса *ресемантизации*, в результате чего слово *самый*, в сочетании уже с относительными прилагательными, указывает на крайний предел признака [МАС 1988: 26], ср.:

7) и вот он начал **оттормаживать в самый последний** момент / такой в бампер бдыщ ей (ОРД);

8) там / там / там / **самый женский** и есть / *П **прекрасный** (ОРД).

Подобные конструкции обнаруживаются на особом векторе веерной шкалы переходности, которую можно построить для слова *самый* (см.: [Сунь Сяоли 2021]).

<Самый + существительное>

В данной модели слово *самый* употребляется при существительных со значением места и времени и указывает на пространственный или временной предел действия: *с самого утра, до самой смерти, у самого края* [МАС 1988: 26].

Семантика предела, т. е. отношение к признаку лимитативности имеет преобладающее значение в сфере *аспектуальности* в русском языке. Предельность согласуется с целостностью действия. Накопление действия на протяжении определенного отрезка времени и на каком-то пространстве представляет собой реализацию действия в полном объеме. Для достижения предела действие, образно выражаясь, исчерпывает все свои силы и останавливается [Ревенко 2013: 204], ср.:

9) А я говорю / а нас тут не знают / этот

домик далеко от нашего дома / в это с северного конца Залазино / а мы жили **на самом краю** / там [УП НКРЯ];

10) Вот точно так же и демоны / они не вдруг человека на грех искушают / они дают ему свободу / чтобы он расслабился / и **в самый момент** / када человек уже не в силах / и они тут и ловят [УП НКРЯ].

По мнению И. Г. Родионовой, категория *интенсивности* производна «от особой прагматической категории, содержание которой может быть осмыслено в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий “выделенность (релевантность)” и “выдвижение”» [Родионова 2005: 156]. В примерах (9)–(10) слово *самый* выделяет существительное в высказывании, усиливает семантику пространственной или временной его ориентации и подчеркивает важность этого существительного для участников общения.

Модель <*самый* + существительное> со значением временной ориентации можно разделить на два типа: (1) модель, включающая существительные с темпоральной семантикой (*до самого вечера, до самой весны, в самое время*); и (2) модель, включающая существительные с семантикой, отражающей этапы жизни и деятельности человека (*с самого рождения, перед самой войной*) [Родионова 2013].

Для описания подобных единиц хорошо подходит понятие *синтаксемы*, под которым понимается мельчайшая, далее не делимая единица синтаксиса, т. е. конкретная синтаксическая форма слова, участвующая в выражении синтаксических отношений [Вахтель 2016]. Синтаксема служит не только носителем основного смысла, но и конструктивным компонентом более сложных построений и может использоваться независимо [Там же] (см. также: [Золотова 2006]). Интенсификатор *самый* может входить, таким образом, в состав темпоральных синтаксем в качестве отдельного лексического компонента, который осложняет структуру синтаксемы.

Прочие модели

Существует и еще ряд моделей с интенсификатором *самый*, которые являются результа-

том действия сразу двух процессов — *грамматикализации* и *идиоматизации*. Слово *самый* в них становится компонентом наречного или иного устойчивого выражения: <*самый* + существительное> (*до самых потрохов*); <*самый* + наречие> (*до самого/по самое некуда, до самого нельзя*); <*самый* + глагол> (*по самое не балуй(ся), по самое не хочу*); <*самый* + местоимение-существительное> (*самое оно/то*); <*самый* + идиома> (*самый что ни на есть*); <*самый* + междометие> (*наклась по самое покорно благодарю*); <указательное местоимение + *самый* + (существительное)> (*тот самый случай, то же самое*). В рамках этих моделей интенсификатор *самый* исчерпывает свою местоименность и незначительность, т. е. имеет высочайший уровень абстрагированности. Он может выражать субъективное отношение к референту устойчивого сочетания и выполняет такие функции, как подчеркивание, усиление, выделение, указание на оценку, полноту и др.:

11) Вот уродец / лошара / обломался / **по самое нельзя** [УП НКРЯ];

12) Ну / естественно // Вон / *кака дырочка* / вон туда вон руку засунь / он тебе откусит **по самое не хочу** [УП НКРЯ];

13) А ты не знала? **Самый что ни на есть**. И теперь представь / Григорий / казак / этот вообще... где / ну как это сказать / все мужское должно быть... ну не знаю... в квадрате или в кубе [УП НКРЯ];

14) Они меня теперь там обдерут **по самое не балуйся** [УП НКРЯ];

15) Я думаю в начале января **самое оно** будет [УП НКРЯ];

16) Я те говорю / ночью по Кутузовскому шоссе / Лин / по середине / вот / **самое то!** [УП НКРЯ].

Все эти зафиксированные в словарях и знаковые всем носителям русского языка устойчивые сочетания с высокой степенью идиоматизированности достаточно редко, тем не менее, встречаются в реальной речи, и многого просто не нашлось в устном корпусном материале.

Описывать подобные единицы удобно с использованием понятия *синтаксическая фраза*. Под *синтаксическими фразами*, вслед

за Л. Л. Иомдиным, можно понимать «такие фразеологические единицы, которые обладают синтаксической спецификой по сравнению с нефразеологическими сочетаниями» [Иомдин 2006: 202]. Подобного понимания данного термина придерживаются также И. А. Мельчук [Mel'čuk 1987, 1995] и Р. Джекендофф [Jackendoff 1997], подчеркивающий наличие в синтаксической фразе переменных частей. Это хорошо видно на примере таких конструкций, как <no самое/до самого + X>, где X может быть выражен самыми разными единицами.

Заключение

Все изложенное позволяет сделать вывод о том, что слово-интенсификатор *самый* оказывает большое влияние на формирование потенциала субъективности и экспрессии высказывания в русском языке и речи. С оценочным компонентом значения неразрывно связан эмоциональный компонент, выражающий значение чувств и эмоций: грусть, радость, стыд, гордость, страх и т.д. Количество градаций на шкале интенсивности зависит от степени проявления того или иного признака. Кроме того, слово-интенсификатор *самый* может делать существительное субъективно значимым для участников общения, т.е. выполняет в предложении функцию маркировки фокуса.

Употребление слова-интенсификатора *самый* можно отнести к сфере аналитизма, развитие которого является закономерным явлением в современном русском языке. В.В. Виноградов осознавал важность проблемы аналитизма и подчеркивал его движение и расширение: «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому. <...> Так и в грамматике слово может обрастать сложными, аналитическими, формами» [Виноградов 1947: 36]. Частотное употребление слова-интенсификатора *самый* в современной русской речи доказывает усиление аналитических тенденций в грамматическом строе русского языка.

ИСТОЧНИКИ

- Белянин, Бутенко 1994 — Белянин В. П., Бутенко И. А. *Живая речь. Словарь разговорных выражений*. М.: Смысл, 1994
- Кузнецов 1998 — *Большой толковый словарь русского языка*. Кузнецов С. А. (ред.). М.: Норинт, 1998
- Кузьмич 2000 — Кузьмич В. Б. *Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии*. М.: Зеленый век, 2000
- МАС 1988 — *Словарь русского языка в четырех томах*. Том IV. С – Я. А. П. Евгеньева (гл. ред.). М.: Русский язык, 1988. 790 с.
- Мокиенко, Никитина 2008 — Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русских поговорок*. М.: ОлмаМедиа-Групп / Просвещение, 2008
- Молотков 1968 — *Фразеологический словарь русского языка*. Молотков А. И. (ред.). М.: Советская энциклопедия, 1968
- Русская грамматика 1980 – *Русская грамматика*. Том I. Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. 784 с.
- Русский Викисловарь (<https://ru.wiktionary.org/wiki/>)
- Национальный корпус русского языка — <https://ruscorpora.ru/> (date of access: 08.05.2021).
- Ожегов, Шведова 1995 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: АЗЪ, 1995.
- Тришин 2013 — Тришин В. Н. *Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS* (trishin.ru/left/dictionary)
- Химик 2004 — Химик В. В. *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. М.: Норинт, 2004

ЛИТЕРАТУРА

- Бегаева и др. 2005 — Бегаева Е. В., Лачимова Л. Я., Янсюкевич А. А., Гусева Т. И., *Современный русский язык*. Практическое пособие. М.: Экзамен, 2005. 228 с.
- Безрукова 2004 — Безрукова В. В. *Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи* (на материале английского языка). Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 222 с.
- Богданова-Бегларян и др. 2019 — Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я., Шерстинова Т. Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Молдован А. М. (гл. ред.). Вып. 21. *Национальный корпус русского языка: исследования и разработки*. Плунгян В. А. (отв. ред.). М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 100–109.
- Бондарко, Буланин 1967 — Бондарко А. В., Буланин Л. Л. *Русский глагол: пособие для студентов и учителей*. Л.: Просвещение, 1967. 192 с.
- Вахтель 2016 — Вахтель Н. М. Синтаксис как раздел грамматики. В кн.: *Введение в языкознание. Курс лекций. Пособие для студентов филол. ф-тов ун-тов*. Чарыкова О. Н., Стернин И. А. (ред.). 4-е изд., перераб. и доп. Воронеж: Истоки, 2016. С. 106–121.
- Виноградов 1947 — Виноградов В. В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. М.: Учпедгиз. 1947. 784 с.
- Золотова 2006 — Золотова Г. А. *Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
- Иомдин 2006 — Иомдин Л. Л. Многозначные синтакси-

ческие фраземы: между лексикой и синтаксисом. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог-2006»*. Лауфер Н. И., Нариньяни А. С., Селегей В. П. (ред.). М.: РГУ, 2006. С. 202–206.

Крылов, Падучева 2002 — Крылов С. А., Падучева Е. В. Местоимение. В кн.: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ярцева В. Н. (ред.). М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 294–295.

Лекант 2011 — Лекант П. А. Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке. В кн.: *Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка*. Монография. Лекант П. А. (ред.). М.: МГОУ, 2011. С. 130–136.

Ревенко 2013 — Ревенко И. В. Комплекс признаков семантической категории «интенсивность». *Вестник Красноярского гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева*. 2013, (2 (24)): 200–205.

Родионова 2013 — Родионова И. Г. Аналитическая конструкция «самый + имя существительное с семантикой временной ориентации» в русском языке. В сб.: *Materiály IX mezinárodní vědecko-praktická konference “Moderní vymoženostivědy – 2013”*. Díl. 42. Filologické vědy: Praha. Publishing House “Education and Science” s.r.o, 112 stran. С. 7–10.

Родионова 2005 — Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке. В кн.: *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*. Бондарко А. В., Шубик С. А. (ред.). СПб.: Наука, 2005. С. 150–168.

Богданова-Бегларян 2016 — *Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах*. Коллективная монография. Богданова-Бегларян Н. В. (отв. ред.). СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Сепир 1985 — Сепир Э. Градуирование: семантическое исследование. В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. *Лингвистическая прагматика*. Падучева Е. В. (ред.). М.: Прогресс, 1985. С. 43–78.

Сунь Сяоли 2021 — Сунь Сяоли. Слово САМЫЙ на верной шкале переходности (по данным речевого корпуса). В сб.: *Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты*. Сб. статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С. Г. Стерлигова. Нижний Новгород, 12–13 мая 2021 г. Воскресенская Н. А. (ред.). Н. Новгород: Нижегородский ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 241–246.

Терентьева 2014 — Терентьева Е. В. Семантическое содержание прилагательных в функции собственно интенсификаторов. *Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского*. 2014, (5–1): 134–139.

Терентьева 2016 — Терентьева Е. В. Интенсификация цветного признака (на примере английских прилагательных). *Вестник Воронежского гос. ун-та*. Серия: *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2016, (1): 20–26.

Bogdanova-Beglarian et al. 2016a — Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian. *SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence*. Vol. 9811, 2016. P. 100–107.

Bogdanova-Beglarian et al. 2016b — Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. *SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence*. Vol. 9811, 2016. P. 659–666.

Hopper, Traugott 2003 — Hopper P. J., Traugott E. C. *Grammaticalization*. Second ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 276 p.

Jackendoff 1997 — Jackendoff R. Twisting the Night Away. *Language*. 1997, (73): 534–559.

Meščuk 1987 — Meščuk I. Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne: Essai de description formelle. *Revue des études slaves*. 1987, (59): 631–648.

Meščuk 1995 — Meščuk I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics. In: *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Everaert M., van der Linden E.-J., Schenk A., Schreuder R. (eds.). Ch. 8. Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 167–232.

REFERENCES

Бегаяева и др. 2005 — Begaeva E. V., Lachimova L. Ia., Iansyukevich A. A., Guseva T. I. *Modern Russian Language. Prakticheskoe posobie*. Moscow: Ekzamen Publ., 2005. 228 p. (In Russian)

Безрукова 2004 — Bezrukova V. V. *Intensification and Intensifiers in Language and Speech (Based on the Material of the English Language)*. PhD thesis. Voronezh. 2004. 222 p. (typescript). (In Russian)

Богданова-Бегларян и др. 2019 — Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Martynenko G. Ia., Sherstinova T. Iu. Corpus of the Russian Language of Everyday Communication “One speaker’s day”: Current State and Prospects. *Trudy In-ta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova*. Moldovan A. M. (ed.). Vyp. 21. *Natsional’nyj korpus russkogo jazyka: issledovania i razrabotki*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: IRL RAN Publ., 2019. Pp. 100–109. (In Russian)

Бондарко, Буланин 1967 — Bondarko A. V., Bulanin L. L. *Russian Verb: a Textbook for Students and Teachers*. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 1967. 192 p. (In Russian)

Вахтель 2016 — Vakhtel’ N. M. *Syntax as a Grammar Section*. In: *Vvedenie v jazykoznanie*. Kurs lektzij. Posobie dl’ja studentov filol. f-tov un-tov. Voronezh: Istoki, 2016. P. 106–121. (In Russian)

Виноградов 1947 — Vinogradov V. V. *Russian Language (Grammatical Teaching about the Word)*. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1947. 784 p. (In Russian)

Золотова 2006 — Zolotova G. A. *Syntactic Dictionary: Repertoire of Elementary Units of Russian Syntax*. 3rd ed., ster. Moscow: Editorial URSS Publ., 2006. 440 p. (In Russian)

Иомдин 2006 — Iomdin L. L. Polysemantic Syntactic Phrasemes: Between Vocabulary and Syntax. In: *Kompjuternaya lingvistika i intellektual’nye tekhnologii*. Trudy Mezhdunarodnoj konferentsii «Dialog-2006» Moscow: RGGU Publ., 2006. P. 202–206. (In Russian)

Крылов, Падучева 2002 — Krylov S. A., Paducheva E. V. Pronoun. In: *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar’*. Moscow:

Bol'shaya Rossijskaya enciklopediia Publ., 2002. P. 294-295. (In Russian)

Лекант 2011 — Lekant P. A. Subjective Analytical Category of Intensive in Russian. In: *Analitizm v leksiko-grammaticheskoj sisteme russkogo iazyka*. Moscow: MGOU Publ., 2011. P. 130-136. (In Russian)

Ревенко 2013 — Revenko I. V. Complex of Features of the Semantic Category "Intensity". *Vestnik Krasnoiar'skogo gos. ped. un-ta im. V. P. Astafieva*. 2013, (2 (24)): 200–205. (In Russian)

Родионова И. Г. 2013 — Rodionova I. G. Analytical Construction "samj + noun with Semantics of Temporal Orientation" in Russian. In: *Materiály IX mezinárodní vědecko-praktická konference "Moderní vymoženostivědy – 2013"*. Díl. 42. Filologické vědy: Praha. Publishing Hous "Education and Science" s.r.o, 112 stran. P. 7–10. (In Russian)

Родионова С. Е. 2005 — Rodionova S. E. Semantics of Intensity and Its Expression in Modern Russian. In: *Problemy funkcional'noj grammatiki. Polevye struktury*. St Petersburg: Nauka Publ., 2005. P. 150-168. (In Russian)

Богданова-Бегларян 2016 — *Russian Language of Everyday Communication: Features of Functioning in Different Social Groups*. Bogdanova-Beglarian N. V. (ed.). St. Petersburg: LAJKA Publ., 2016. 244 p. (In Russian)

Сепир 1985 — Sepir E. Graduation: Semantic Exploration. In: *Novoe v zarubeznoj lingvistike*. Vyp. 16. *Lingvisticheskaya pragmatika*. Paducheva E. V. (ed.). Moscow: Progress Publ., 1985. P. 43-78. (In Russian)

СуньСяоли2021 — Sun'Syaoli. The WordSAMYJ on the Fan Scale of Transitivity (According to the Data of the Speech Corpus). In: *Jazyki i kul'tury: funkcional'no-kommunikativnyj i lingvopragmaticheskij aspekty*. Sb. Statej po materialam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferentsii, posv'ashchennoj pam'ati S. G. Sterligova.

Nizhnij Novgorod, 12-13 maja 2021 g. Voskresenskaya N. A. (ed.). N. Novgorod: Nizhegorodskij un-t im. N. I. Lobachevskogo Publ., 2021. P. 241–246. (In Russian)

Терентьева 2014 — Terent'eva E. V. Semantic Content of Adjectives in the Function of Intensifiers Proper. *Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo*. 2014, (5–1): 134–139. (In Russian)

Терентьева 2016 — Terent'eva E. V. Intensification of the Color Indication (Using the Example of English Adjectives). *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta*. Seriya: *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsia*. 2016, (1): 20–26. (In Russian)

Bogdanova-Beglarian et al. 2016a — Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian. *SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence*. Vol. 9811, 2016. P. 100–107.

Bogdanova-Beglarian et al. 2016b — Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. *SPECOM 2016. Lecture Notes in Artificial Intelligence*. Vol. 9811, 2016. P. 659–666.

Hopper, Traugott 2003 — Hopper P. J., Traugott E. C. *Grammaticalization*. Second ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 276 p.

Jackendoff 1997 — Jackendoff R. Twisting the Night Away. *Language*. 1997, (73): 534–559.

Mel'čuk 1987 — Mel'čuk I. Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne: Essai de description formelle. *Revue des études slaves*. 1987, (59): 631–648.

Mel'čuk 1995 — Mel'čuk I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics. In: *Idioms: Structural and Psychological Perspectives*. Everaert M., van der Linden E.-J., Schenk A., Schreuder R. (eds.). Ch. 8. Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 167–232.

[хроники]

24-28 мая состоялся Костомаровский форум

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина организовал Костомаровский форум – мероприятие, посвященное памяти основателя института, одного из создателей МАПРЯЛ, выдающегося ученого-русиста Виталия Григорьевича Костомарова (1930-2020).

Научные интересы Виталия Григорьевича простирались на многие области языкознания. Он стоял у истоков методики преподавания русского языка как иностранного как отдельной дисциплины, обосновал особое научное направление — лингвострановедение. Возглавляя Научно-методический центр русского языка при МГУ им. М. В. Ломоносова, В.Г. Костомаров участвовал в открытии отделений подготовки преподавателей русского языка как иностранного в университетах Москвы, Ленинграда и других городов. Став первым ректором Института русского языка имени А.С. Пушкина, Виталий Григорьевич одним

из первых выдвинул общепризнанную сейчас идею учебного словаря, который бы гибко интегрировался в процесс преподавания русского языка иностранцам. Большой вехой в жизни и работе Виталия Григорьевича Костомарова стало участие в создании и деятельности одного из крупнейших научно-педагогических объединений мира – Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Форум, посвященный памяти выдающегося ученого, проходил на протяжении 5 дней и объединил 22 мероприятия. На его площадках прозвучали выступления более 40 экспертов. Тематическая повестка форума весьма обширна и охватила такие темы, как русский язык в науке и на постсоветском пространстве, в российской и зарубежной школе, искусственный интеллект, современная речевая культура, язык банкиров и музыкантов, литературная дипломатия.